

Пол Богоссиан

Что экстерналист может знать априорно?*

Даже после стольких обсуждений остается спорным вопрос, является ли экстернализм в отношении содержания сознания совместимым с традиционной доктриной привилегированного доступа субъекта к своему сознанию. Под экстернализмом в отношении содержания сознания я понимаю точку зрения о том, что понятия, содержащиеся в наших мыслях, могут зависеть не только от внутренних по отношению к нам фактов, но и от фактов о нашем окружении. Следует подчеркнуть, хотя бы потому, что это до сих пор подчас не осознается, что этот тезис применим на уровне смыслов, а не только на уровне референции: *понятия*, при помощи которых мы мыслим – а не просто те, что схватываются нами случайным образом – согласно экстерналисту, зависят от фактов окружающей среды. Под традиционной доктриной привилегированного доступа субъекта к своему сознанию я понимаю тот взгляд, согласно которому мы способны знать каковы наши мысли без обращения к какому-либо эмпирическому исследованию. Предположим, я принимаю мысль, которую я выразил бы при помощи предложения «Вода мокрая». Согласно этой традиционной доктрине я могу без эмпирического исследования знать, что (а) у меня есть мысль, (b) что она имеет определенное концептуальное содержание, и (с) что ее содержание – что вода мокрая.

Будем называть того, кто сочетает экстерналистский взгляд на содержание сознания с доктриной привилегированного доступа субъекта к своему сознанию, *компатибилистом*. В этой статье я представлю *reductio* компатибилизма, в частности я намереваюсь доказать, что если бы компатибилизм был верен, мы могли бы знать определенные факты о мире *a priori*, факты, которые никто по здравому размышлению не может признать известными *a priori*. Я, однако, не буду обсуждать вопрос о том, должно ли это быть использовано, чтобы подвергнуть сомнению экстернализм или теорию привилегированного доступа. Аргументы

* Boghossian P. What Externalism Can Know “A Priori”? // Philosophical Issues, 9, 1998. Перевод выполнен Верой Еремеевой с любезного разрешения автора. – Примеч. ред.

против компатибилистов в этой общей форме уже предлагались ранее, но я полагаю, что из этих более ранних попыток опровержения компатибилизма делались неверные выводы¹. Так или иначе, прежде чем перейти к деталям будет полезно очертить некоторые предварительные семантические допущения.

1. Предварительные семантические допущения

В случае общего термина – например, термина «вода» – я признаю тройное различие между его экстенционалом, его референтом и его значением. Экстенционал термина – это множество реально существующих вещей, по отношению к которым данный термин корректно применяется. В случае с водой это все частицы воды, существующие где-либо во вселенной. Поскольку мы знаем, что эти частицы воды – лишь скопления молекул H_2O , мы можем также сказать, что экстенционал термина «вода» представляет собой множество всех скоплений молекул H_2O , которые где-либо существуют (включая и те скопления, с которыми мы можем никогда не встретиться).

Под референтом термина я подразумеваю свойство, которое этим термом обозначается. В случае с термом «вода» естественно сказать, что его референтом является свойство быть водой. Можно сомневаться, будет ли в равной степени верным, что это свойство – быть H_2O . Это зависит от того, тождественно ли свойство быть водой свойству быть H_2O . Это интересный пример проблемы теории свойств, но не одной из тех проблем, что мне необходимо решить для достижения моих целей в данной статье. Здесь важна возможность различать объем термина и его референт так, чтобы мы могли сказать, что термин может выражать свойство, которым ничто в действительности не обладает. Я считаю условием истинности предложения пропозицию, которую оно выражает; и я считаю, что пропозиция, выражаемая предложением, составлена из референтов, обозначенных терминами, входящими в это предложение. Таким образом, условие истинности предложения «Вода мокрая» – это пропозиция, составленная из свойства быть водой и свойства быть

¹ Смотри, например, McKinsey M. Anti-Individualism and Privileged Access // *Analysis*, 51, 1991, pp. 9-16, и эффективный ответ Brueckner A. What an anti-individualist Knows A priori // *Analysis*, 52, 1992. Такая манера антикомпатибилистской аргументации должна интерпретироваться по-другому в отличие от аргументов в «случае с путешествием», рассмотренных в моей статье Content and Self-Knowledge // *Philosophical Topics*, 17, 1989, pp. 5-26.

мокрым, и утверждающая, что все обладающее одним свойством обладает и другим.

Я также провожу различие между свойством, которое обозначает терм «вода», и его значением. Термы «вода» и «H₂O» могут иметь один и тот же референт, но они обладают разным значением. Что я понимаю под значением термина? Я желаю остаться настолько нейтральным в этом отношении, насколько это возможно, и не предполагать какую-либо определенную точку зрения. Оставляю самому читателю решать, насколько я преуспел в своей беспристрастности.

Наконец, я отождествляю значение слова с понятием, которое оно выражает, и потому я использую значение предложения «Вода мокрая», чтобы передать содержание убеждения, которое было бы выражено при буквальном ассерторическом употреблении данного предложения. Я использую кавычки, чтобы именовать слова, и подчеркивание, чтобы именовать понятия, выраженные этими словами: так, вода – это понятие, выраженное словом «вода». Теперь перейдем к самому аргументу.

2. Экстернализм и Земля-Двойник

Дать определение экстернализму достаточно просто. Буквально, это точка зрения, что факты, внешние по отношению к мыслящему субъекту, релевантны для индивидуации содержаний его сознания. Экстернализм, если мы его таким образом определяем, не обязывает кого-либо принимать какую-либо конкретную форму зависимости содержания сознания от внешних фактов, но только лишь некоторую форму зависимости.

Так или иначе, философы принимают экстернализм не потому, что рассматривают его как само собой разумеющуюся истину. Напротив, они принимают его потому, что их интуитивные ответы на определенного рода мысленный эксперимент – патнэмские фантазии о Земле-Двойнике – как кажется, оставляет им очень небольшой выбор². А этот тип мысленного эксперимента представляет собой поддержку

² В этой статье я ограничусь экстерналистскими тезисами, мотивированными патнэмскими экспериментами с Землей-Двойником касательно понятий о естественных видах. В частности, для настоящих целей я хочу отложить экстерналистские тезисы, мотивированные мысленными экспериментами в стиле Берга, включающими в себя тезис об уважении к традициям лингвистических сообществ. Я полагаю, что аргумент, аналогичный данному в этой статье, может с тем же успехом быть сформулирован для таких видов экстернализма, но это не будет здесь рассматриваться.

позиции экстернализма, но поддержку экстернализма, заключающегося лишь в особой форме зависимости содержания сознания от внешних фактов. В частности, он служит некой гарантией утверждению о том, что в случае с элементарным понятием C , обозначающим естественный вид, субстанция фактически схватываемая C входит в индивидуацию C . Другими словами: субстанции, с которыми некто фактически взаимодействует, помогают определить, какими атомарными понятиями естественных видов этот некто обладает, если он вообще обладает каким-нибудь понятиями.³

Чтобы это понять, вспомним, как должен работать патнэмский мысленный эксперимент. В то время как Оскар, обыкновенный носитель английского языка, живет на Земле, его молекулярная и функциональная копия Тоскар живет на Земле-Двойнике, планете, подобной Земле во всем, за исключением того, что жидкость, наполняющая ее озера и океаны, неотличимая от земной воды во всех обычных обстоятельствах, является не H_2O , а какой-то другой субстанцией с отличным химическим составом – назовем его XYZ . Каким бы критерием, релевантным для этих вопросов мы не руководствовались, вода и вода-двойник являются различными видами субстанции, даже несмотря на то, что химически необразованный человек будет не способен их отличить друг от друга. Далее, согласно широко распространенной интуиции, в то время как оскаровские токены термина «вода» применяются исключительно к H_2O , тоскаровские токены «воды» применяются исключительно к XYZ . Другими словами, имеется широко распространенная интуиция, что токены термина «вода» Оскара и Тоскара обладают различными экстенционалами. Если такая интуиция поддерживается, то это подразумевает, или что их понятия «воды» не индивидуированы индивидуалистически, или что они не индивидуированы в терминах их референтов. Так как Оскар и Тоскар являются молекулярными и функциональными копиями друг друга, то Оскар и Тоскар внутренне одинаковы во всех отношениях (вплоть до интенционального описания). Однако референты их понятий различаются. Следовательно, либо эти понятия не определяют то, на что они указывают, каким-либо контекстно-независимым образом (они не индивидуированы через их референты), либо они, в действительности,

³ Под схемой « x индивидуирует y », я подразумеваю только то, что если бы значение x было другим, то и значение y было бы другим. Само по себе, это не сообщает нам ничего о том, каково значение y для какого-либо частного значения x . Далее об этом ниже.

определяют то, на что они указывают, и поэтому они не индивидуированы индивидуалистически.

Следует подчеркнуть, что эксперимент с Землей-Двойником сам по себе не приводит к экстернализму по отношению к понятиям; он приводит лишь к указанному мной разделению. Можно ответить на этот эксперимент и порождаемые им интуиции, если оставив идею о том, что понятия индивидуируются в терминах их референтов, и предпочесть индивидуалистический дизъюнкт. Таков излюбленный ответ так называемых теоретиков «узкого содержания». Чтобы сформулировать аргумент в пользу экстернализма по отношению к понятиям (concept), необходимо также настаивать на том, что всякое заслуживающее внимания техническое понятие (notion) о ментальном содержании должно быть индивидуировано через условия его истинности, должно определять условия его истинности или выполнимости каким-либо контекстно-независимым образом. Если учитывать это дополнительное допущение, то не остается другого выбора, кроме как сказать, что токены слова «вода» на Земле и на Земле-Двойнике выражают различные понятия – понятие вода в первом случае, и, скажем, твода во втором.

Проясним, далее, различные исходные предпосылки, используемые в ЗД мысленном эксперименте в качестве основания для экстернализма по отношению к понятиям. Во-первых, и это наименее спорно, воду и тводу следует рассматривать как различные субстанции, различные естественные виды; иначе то, что оscarовское слово «вода» и тоскаровское слово «вода» имеют отличные объемы и референты, не будет истинным. Во-вторых, слово «вода» – на Земле или на Земле-Двойнике – должно рассматриваться как предназначенное для выражение понятия о естественном виде; иначе тот факт, что вода и твода являются различными естественными видами, не будет семантически значимым. В-третьих, Оскара и Тоскара следует рассматривать в качестве химически непредвзятых, в качестве не имеющих убеждений относительно химического состава жидкостей вокруг них; иначе они не в полной мере будут функциональными копиями друг друга, как того требует эксперимент. В-четвертых, понятия, выраженные токенами термина «вода» земными и Земли-Двойника должны рассматриваться как атомарные понятия, а не составные, композиционно выстроенные из других понятий каким-то определенным образом. Например, этот эксперимент предполагает, что воду нельзя рассматривать как допускающую следующее определение: Жидкость без вкуса и запаха, которая течет в реках и крапах. Так как если бы это было композиционное понятие

такого рода, его экстенционал был бы определен экстенционалами его составных частей. Поэтому заключение, что вода и твода имеют разные экстенсионалы, было бы получено иначе, нежели в оригинальном патнэмианском эксперименте, – при помощи демонстрации того, что один из *компонентов* воды – например, понятие выраженное словом «жидкость» – имеет другой экстенционал, чем понятие, выраженное его аналогом с Земли-Двойника. Наконец, как я недавно отмечал, понятия должны рассматриваться как индивидуированные в терминах их референтов.

3. Аргумент

Далее, предположим, что Оскар – наш прототипичный субъект Земли-Двойника – компатибилист. Я утверждаю, что Оскар может рассуждать, исключительно *a priori* следующим образом:

1. Если я обладаю понятием вода, то вода существует.
2. Я обладаю понятием вода.

Следовательно,

3. Вода существует.

Так как заключение, несомненно, не познаваемо *a priori*, одна из посылок в очевидно обоснованном рассуждении Оскара должна либо ложной, либо непознаваемой *a priori*. Вопрос таков: может ли Оскар *qua* компатибилист полностью полагаться только на первое или только на второе утверждение? Я докажу, что он не может, что он обязан принимать обе посылки – (1) и (2) – и их познаваемость *a priori*. Если я прав, то компатибилист должен принимать явно абсурдное заключение, что мы можем знать *a priori* о существовании воды.

Далее, познаваемость посылки (2) *a priori* – это именно та точка зрения, которую я назвал доктриной привилегированного доступа субъекта к своему сознанию, поэтому нет необходимости тратить время на обсуждение ее отношения к компатибилизму. Единственный действительный вопрос касается посылки (1), к детальному рассмотрению которой я сейчас обращаюсь.

4. Возможно, вода не требуется для существования понятия воды

Необходимо рассмотреть два возможных возражения. С одной стороны, оппонент может отвергнуть первую посылку на тех основаниях, что, с точки зрения экстерналиста, необязательно, что вода существует для того, чтобы кто-то обладал понятием воды. С другой же стороны, оппонент мог бы попытаться доказать, что, хотя и истинно, что с точки зрения экстерналиста для существования понятия воды требуется вода, но этот факт не познаваем *a priori*. Какая же из этих двух альтернативных стратегий подходит компатибилисту (если таковая вообще имеется)? Начнем с рассмотрения первой.

Как Оскар, согласно экстерналисту, рассматривающему эксперимент с Землей-Двойником, мог бы приобрести понятие воды без фактического взаимодействия с некоторым количеством воды? Он не мог приобрести его только в силу внутренней функциональной роли слова «вода», так как его копия разделяет эту функциональную роль и по-прежнему считается не обладающей понятием воды. И он не мог приобрести его путем построения теории о том, что жидкость, окружающая его, является H₂O, так как мы допустили, что Оскар не химик и не имеет характерных убеждений по поводу микроструктуры воды.

Экстерналист мог бы утверждать, что Оскар приобрел понятие воды от других носителей языка, обладающих этим понятием. Это указание таит несколько трудностей, обсуждению которых препятствует ограничение места⁴. Даже если бы это указание экстерналиста было в конце концов подтверждено, тем не менее, его влияние на мой аргумент было бы минимальным – оно лишь вынудило бы нас незначительно усложнить абсурдное заключение, которое, как я утверждал, компатибилист может вывести *a priori*. Вместо утверждения (3), у нас была бы такая же неприятная дизъюнкция:

3'. Либо вода существует, либо существуют другие носители языка, обладающие понятием воды⁵.

⁴ Одна из тех трудностей, что я подразумеваю здесь, состоит в том, что не все носители языка могут рассуждать таким образом, так как некоторые из них должны были приобрести это понятие без помощи остальных членов сообщества. Но исследовать это сейчас было бы излишней тратой времени.

⁵ Интересно отметить, что здесь мы согласны с Тайлером Бергом, если не относительно априорности дизъюнкции, то по крайней мере относительно ее истинности, поскольку речь идет об экстернализме:

На данный момент я намереваюсь отложить эту трудность и сказать только, что если экстернализм, основанный на эксперименте с Землей-Двойником корректен, то для обладания понятием воды требуется контакт с водой.

5. Вода требуется для существования понятия воды, но этот факт не априорный

Наиболее важное испытание для аргумента, который я рассматриваю, происходит не из неприятия истинности этого утверждения, а из неприятия его мнимой априорности. Такое неприятие может быть сформулировано несколькими родственными способами; я представлю наиболее сильную версию из тех, что могу помыслить.

Согласно экстерналисту, мы знаем, что вода необходима для обладания понятием воды потому, что мы знаем, грубо говоря, что «вода» – одно из тех слов, с которыми может быть произведен эксперимент с Землей-Двойником. Но не основывается ли наше знание о том, что данное слово подходит для рассматриваемого эксперимента, на некой эмпирической информации? Компатибилисты склонны утверждать, что так оно и есть⁶; однако весьма редко можно найти их основания недвусмысленно разъясненными. Где именно эмпирические элементы вторгаются в 3Д эксперимент? Обратимся к этому.. Какие условия должно выполнить слово, чтобы быть подходящим для эксперимента относительно Земли-Двойника?

Как мы видели, это должно быть слово, которое выражает атомарное понятие. Также его задачей должно быть именование некоторого естественного вида. Более того, употребляющий это слово должен быть нейтрален относительно сущности вида, на именование которого направлено это слово, он должен быть химически индифферентен в нашем случае.

Но разве эти условия доступны *a priori* тому, кто использует слово? Более того, разве компатибилист не должен придерживаться

Что кажется немислимым, так это предположение, что этот [Оскар], в его сравнительном невежестве и равнодушии относительно природы воды, придерживается убеждений, содержание которых включает это понятие, даже несмотря на то что ни воды, ни товарищей, относящихся к той же культурной группе, что и он, не существует.

См.: Other Bodies // Thought and Object (ed. Woodfield). – Oxford: Oxford University Press, 1982, p. 116.

⁶ Тайлер Берг настаивал на этом; смотри в Bruekner A. Op. cit.

мнения, что они доступны *a priori*?

В случае с двумя последними условиями, как мне кажется, ответ совершенно ясен. Имеет или нет некто убеждения о микроструктуре видов вокруг него, и предназначает ли он одно из своих слов для именованя одного из этих видов, – это вопросы, которые не только интуитивно представляются априорными, но и которые сторонник доктрины привилегированного доступа вынужден был бы считать априорными. Обратите внимание, мы не спрашиваем о том, действительно ли это слово именуется естественный вид, но лишь о том, предназначается ли слово для этого тем, кто его употребляет. А, согласно доктрине привилегированного доступа, содержания собственных намерений и убеждений доступны человеку *a priori*.

Можно подумать, однако, что вопрос об атомарности до некоторой степени более деликатн. Ибо так ли очевидно, что факты композиционности априорны? Разве мы как философы не пребываем часто в столь унылой ситуации, принимая, что понятие является композиционным, прикладывая значительные усилия к поиску его определения только для того, чтобы заключить, что оно не имеет определения, и что его в конце концов должно считать атомарным?

Очень важно не объединять априорность с простотой. Факт может быть априорным, но очень сложным для обнаружения, примером может послужить немало математических или логических теорем. Мы не должны утверждать, что факты атомарности просты только потому, что они не являются эмпирическими. Фактически сложно представить, что они могли быть иными. Как понять смысл идеи, что знание о том, является ли понятие внутренне структурированным, может зависеть от эмпирической информации о внешнем мире?

Итак, до сих пор мы не предоставили критерия пригодности для ЗД эксперимента, о котором можно было бы правдоподобно утверждать, что он не доступен *a priori*. Рассмотрим теперь другой критерий, который, тем не менее, если бы он действительно был критерием, определенно сделал бы пригодность для ЗД эксперимента эмпирическим вопросом. Этот критерий таков: в добавление к *нацеливанию* на то, чтобы выразить естественный вид, слово должно *на самом деле* именовать естественный вид, если оно должно быть пригодно для ЗД эксперимента. Никто не может произвести ЗД мысленный эксперимент со словом,

которое имеет своей целью именование, но фактически не именуется некоторый вид.⁷

В поддержку этого утверждения кто-то может предложить следующее. Оригинальный эксперимент Патнэма осуществляется с термом «вода» в полной осведомленности о том, что он производит референцию к виду, а именно H₂O. Это знание играет центральную роль в эксперименте. Мысленный эксперимент с Землей-Двойником сам по себе не говорит о том, что именно мы должны утверждать о терме, который не именуется естественного вида. Поэтому, вследствие всего того, к чему нас принуждает этот эксперимент, фактическое именование естественного вида является условием пригодности для ЗД эксперимента, и это условие, несомненно, не является условием доступным *a priori*. Действительно, этот эксперимент учит нас тому, что вода требуется для того, чтобы слово «вода» именовало понятие вода. Это признает и наш оппонент; но, считает он, мы узнаем это лишь потому, что мы знаем — эмпирически — что вода — это вид фактически названный «водой». Отсюда, пригодность для ЗД эксперимента не априорна.

Далее, я думаю, что это возражение не столь действительно; однако внутри него скрыто другое возражение, значительно более сложное. Причина, по которой это специальное возражение не имеет успеха, состоит в том, что совершенно очевидно, что мы *можем* произвести ЗД эксперимент со словом, которое фактически не именуется естественный вид. Предположим, у нас было бы такое слово, W, на Земле. Далее, чтобы сформулировать успешный ЗД эксперимент, все, что необходимо, это описать ситуацию на Земле-Двойнике, в которой, хотя употребляющие слово типа W являются функциональными и молекулярными копиями их аналогов с Земли, W именуется некоторый вид. В том случае, если интуиция по-прежнему включает в себя, что экстенционал земных токенов W отличается от экстенционала токенов W Земли-Двойника — как оно, конечно, будет, так как экстенционал первых будет пуст, а экстенционал последних — нет — эксперимент удастся.

Однако, возражающий оказался бы способен предложить нам более сложное испытание. Если это действительно верно и мы можем провести ЗД эксперимент даже в терминах, которые не осуществляют референции, тогда как мы можем знать *a priori*, что вода необходима для слова «вода», чтобы оно выражало понятие вода? Мы не можем сделать

⁷ Я признателен моему коллеге Джону Гиббонсу за то, что он помог мне увидеть необходимость противостоять этому возражению и основное направление аргументации, которое это возражение выводит на свет.

такого вывода только из того факта, что «вода» пригодна для ЗД эксперимента, так как мы установили, что даже пустые термы пригодны для ЗД эксперимента. Возможно, вода – это понятие, которое «вода» выражает, когда не именуется естественный вид, когда не существует воды, которую можно было бы именовать. Если о нас можно сказать, что мы знаем, что вода необходима для существования понятия воды, мы знаем это только в силу нашей осведомленности о том, что «вода» именуется естественный вид, а именно воду. А это, конечно, то, что мы могли бы узнать только эмпирически. Следовательно, наше знание о том, что вода необходима для существования понятия воды, не априорно.

Вот наконец мы подходим к наиболее важной проблеме рассматриваемого мною аргумента. Будет интересно раскрыть причину, в связи с которой она в конечном счете не ограждает компатибилизм от обвинения в абсурдности.

6. Случай с пустым экстенционалом

Я хочу подойти к ответу на это возражение в каком-то смысле окольным путем, сосредоточив свое внимание на следующем вопросе: что должен сказать экстерналист, проводящий эксперимент с Землей-Двойником, о случае, когда слово, имеющее целью именование естественного вида, не делает этого? К этому может приводить два сценария. С одной стороны, слово, аналогичное «воде», может не именовать естественный вид, потому что жидкости, к которым оно должным образом применяется, не образуют естественного вида, но скорее некоторое гетерогенное попури. С другой стороны, терм может не именовать вид, потому что нет вообще ничего – попури или чего-то другого – к чему, как можно было бы говорить, он применяется. Здесь я хочу сосредоточиться на втором более крайнем случае, так как он делает интересующие нас проблемы более рельефными.

Представим планету точно такую же как нашу, на которой, хотя ее обитателям и кажется, что в их реках и кранах течет чистая безвкусная и бесцветная жидкость, к которой, как они доверчиво полагают, они применяют слово «вода», все эти явления систематически ошибочны и составляют некий вид всеобъемлющего коллективного миража. Что же касается реальных фактов, озера, реки и краны данной конкретной Земли-Двойника совершенно сухи. Все это может казаться очень надуманным и, без сомнения, так оно и есть. Тем не менее, описанный сценарий по существу не отличается – кроме как в вопросе первазивности – от того, который фактически оказался верным в случае

таких термов, как «флогистон» и «теплота»; и, как бы там ни было, цель не в том, чтобы описать реальную возможность. Скорее она состоит в том, чтобы выяснить, каким образом некоторая определенная семантическая теория предполагает трактовать случаи неудачи референции и свяжет ли она себя обязательством разрешения таких случаев определенным способом. Какое *понятие*, если таковое имеется, согласно экстерналисту, рассматривающему эксперимент с Землей-Двойником, было бы выражено токенами слова «вода» на Сухой Земле?

Кто-то может подумать, что ответ очевиден. Поскольку экстернализм – это точка зрения, согласно которой понятие, выраженное словом, частично индивидуировано референтом этого слова, разве отсюда не следует, что если слово не имеет референта, то оно не выражает понятия?

Это умозаключение было бы слишком необдуманно. В нем утверждение, что понятие индивидуировано через его референт, подменяется утверждением, что существование понятия зависит от существования референта. Если использовать привычную терминологию, то получается, что оно путает экстерналистскую индивидуацию с объектной зависимостью. Строго говоря, все, к чему склонен экстернализм, основанный на эксперименте о Земле-Двойнике, – это утверждение, что если референт данного слова был бы другим, чем он есть, то и понятие, которое оно бы выражало, также было бы другим. И это совместимо с утверждением, что слово выражало бы понятие в случае, когда оно не производит референции, если только понятие, которое оно выражало бы здесь, было отлично от любого из тех, что оно выражало бы в случае, когда референция производится. Иначе говоря, экстерналистская индивидуация в том смысле, в котором к ней склонен экстерналист, рассматривающий эксперимент с Землей-Двойником, это только взгляд, согласно которому, если два слова различаются в их референтах, то они также различаются в понятиях, которые они выражают; строго говоря, это совместимо с возможностью выражения словом того или иного понятия, даже когда оно не имеет референта.

Но какое понятие, должны мы сказать, выражает слово «вода» в описанных условиях, когда нет никакого естественного вида для осуществления к нему референции? Мы можем рассмотреть два основных варианта: составные и атомарные термы.

Мы могли бы попытаться заявить, что в воображаемых условиях сухости, «вода» выражает соответствующее сложное понятие, составленное известным образом из других наличных понятий. Каково

это сложное понятие? Наиболее правдоподобно, я предполагаю, что-то подобное следующему: чистая безвкусная бесцветная жидкость, которая течет в кранах и реках вокруг и... В контексте цели настоящего аргумента не будет иметь большого значения, как именно будет конкретизировано это понятие. С любой подобной точки зрения, слово «вода» будет вносить комплексное свойство в пропозицию, выраженное всеми включающими его предложениями, и одно из таких свойств, соответственно контингентному факту, не соответствует ничему в окружающей среде.

Интуитивно это кажется мне правдоподобным взглядом на предмет обсуждения. Когда я размышляю о группе людей, аналогичных нам, уверенно применяющих слово «вода» к чему-то, что кажется им чистой бесцветной безвкусной жидкостью в окружающей среде, я чувствую себя искушенным чем-то вроде ошибочной теории об их лингвистическом поведении, которая происходит из настоящего рассуждения. Мне кажется вполне убедительным сказать, что под словом «вода» эти люди подразумевают чистую бесцветную безвкусную жидкость и т. д., которая, тем не менее и к сожалению, не может быть найдена в окружающей их среде.

Проблема в том, что очень сложно понять, как такой взгляд мог бы быть доступен экстерналисту, рассматривающему эксперимент с Зелмей-Двойником. Вспомните, ЗД экстерналист обязан, по причинам подробно изложенным ранее, придерживаться мнения, что слово «вода» в условиях, когда его экстенционал не пуст, выражает *атомарное* понятие, независимо от того, является ли его экстенционалом H_2O , XYZ или что-либо еще. Это одна из исходных предпосылок эксперимента с Землей-Двойником. Но тогда как может точно такое же слово с точно такой же функциональной ролью выражать атомарное понятие при одном множестве внешних условий и составное, расчлененное понятие при другом множестве? Композиционность понятия — это исключительно функция его внутреннего «синтаксиса», и она не может зависеть от внешних обстоятельств в том виде, как этого требовало бы настоящее допущение.

Позвольте мне предвосхитить возможное недоразумение в этом вопросе. Мой аргумент здесь состоит не в том, что если бы компатибилист избрал составное понятие, это подорвало бы его приверженность доктрине привилегированного доступа. Потому что, хотя и верно, что выбор составного варианта для «воды» на Сухой Земле и одновременная убежденность в его атомарности на Земле имели бы

следствием то, что факты о композиционности понимались бы как познаваемые *a posteriori*, это не было бы препятствием ни одной доктрине привилегированного доступа из тех, что я привел. Мой аргумент состоит также и не в том, что составной вариант неприемлем в силу его противоречия с независимо правдоподобным утверждением, что факты о композиционности являются априорными, хотя, как я уже отмечал выше, это то, в чем я убежден, и был бы готов защищать.

Фактически, мой аргумент здесь вообще не эпистемический, но скорее метафизический. Составной вариант истолкования понятия требует от экстерналиста утверждения, что одно и то же слово с одной и той же функциональной ролью может выражать атомарное понятие при одном множестве внешних обстоятельств и составное расчлененное понятие при другом множестве. Но трудно представить себе, как композиционность понятия могла бы таким образом быть функцией его внешних обстоятельств. Композиционность, как я ее понимаю, может быть только функцией внутреннего синтаксиса понятия; она не может проистекать из внешних условий в том виде, как этого требовала бы составная интерпретация понятия. (Это особенно ясно в картине ментальной репрезентации на «языке мысли», но не зависит от нее.)

Как обстоят дела с другим основным классом доступных вариантов, в соответствии с которыми, пустые токены слова «вода» выражают атомарное понятие? В этой части мы также должны ответить на вопрос: каким будет это атомарное понятие, согласно экстерналисту, рассматривающему эксперимент с Землей-Двойником?

Экстерналист будет достаточно много знать о том, какими понятиями оно быть не может: в частности он будет знать, что это понятие не может быть идентичным какому-либо понятию из тех, что выражаются непустыми токенами «воды». Иное противоречило бы его важнейшему убеждению относительно индивидуирования понятия через его референт. Но может ли он сказать нам, в соответствии с его убеждением, какое понятие выражено пустыми токенами «воды»?

К сожалению, оказалось бы, что имеется непреодолимый аргумент, показывающий, что экстерналист не сможет сказать, какое атомарное понятие выражено неосуществляющими референции токенами «водь», потому что, по его собственному мнению, не может быть такого понятия. Позвольте мне объяснить это.

Мы видели, что одна из посылок, необходимых для того, чтобы трансформировать ЗД эксперимент в аргумент в пользу экстернализма, — это посылка, что понятия имеют контекстно-независимые условия

выполнимости, или, в случае с ментальным содержанием, контекстно-независимые условия истинности. Зададимся таким вопросом: каковы условия выполнимости для слова «вода» на Сухой Земле, к каким видам жидкостей оно применяется? Конечно, согласно нашему допущению, фактический экстенционал слова «вода» пуст на Сухой Земле, поэтому в его действительной окружающей среде нет жидкостей, по отношению к которым оно применяется. Но вопрос, которым я задаюсь, совместим с тем, что экстенционал слова фактически пуст, и совместим даже с тем, что он пуст во всех мирах. Я хочу узнать: какая пропозиция – какое условие истинности – выражено предложением формы «Вода мокрая», например, произнесенном на Сухой Земле? Что этим говорится? Не важно даже, если это предложение окажется ложным в действительном мире или даже во всех мирах.

В том направлении, которое мы в настоящее время исследуем, ответ должен быть таков: не важно, какое условие истинности выражено предложением, содержащим слово «вода» на Сухой Земле, так как не важно, какое свойство обозначено токенами «воды». Поскольку в конце релевантной причинной цепи, возводящей к употреблению слова «вода» на Сухой Земле, нет естественного вида, то не важно каков референт «воды», и потому не важно, какая пропозиция выражена содержащими этот терм предложениями.

Но с точки зрения экстерналиста, это допущение губительно для утверждения, что на первом месте здесь стоит разговор о понятиях, поскольку экстернализм о понятиях частично поддерживается убеждением, что содержание мышления должно обладать контекстно-независимыми условиями выполнимости, или, соответственно, истинности. Если в данном контексте не имеет значения, каков референт данного понятия, то для его объема также не имеет значения, каково это понятие.

Мы проследили два возможных направления аргументации, которые экстерналист может избрать относительно пустых токенов «воды», и оба из них оказались проблематичными. Допускать возможность выражения токенами составного понятия, имея в это же время смелость снабжать слово свойством референции, – значит, вести непосредственно к конфликту с экстерналистским убеждением относительно атомарности слова «вода». Попытка избежать этой проблемы, путем допущения, что слово выражает атомарное понятие, с другой стороны, ведет к прямому конфликту с экстерналистской

приверженностью идее, что понятия должны обладать точно заданными контекстно-независимыми условиями выполнимости.

Что тогда экстерналист может сказать о случае с пустыми токенами? Казалось бы, ответ таков: он должен сказать только то, что, как говорил сторонник объектной зависимости, он должен говорить всегда — а именно, что пустые токены просто не выражают определенного понятия. Это оказывается верным не потому, что экстернализм, основанный на эксперименте с Землей-Двойником, концептуально эквивалентен объектной зависимости, но потому что экстернализм, основанный на эксперименте с Землей-Двойником, вместе с другими его убеждениями, влечет за собой объектную зависимость.

7. Завершение аргумента

Если это верно, то компатибилист в состоянии заключить – посредством исключительно априорного рассуждения — что если терм выражает в первую очередь понятие, то его экстенционал не должен быть пустым. Кроме того, привилегированный доступ убеждает его в том, что он сможет сказать *a priori*, выражает данный терм понятие или нет и, несомненно, если он выражает, то какое именно. В частности, наш друг Оскар будет способен сказать внеэмпирически, что его терм «вода» выражает понятие, и в частности, что он выражает понятие вода. Соединяя эти две частицы информации, он может заключить *a priori*, что вода должна была когда-либо существовать. А это, как мы все согласились, не является тем, на что он может быть способен⁸.

⁸ Чтобы сформулировать нашу проблему для компатибилиста, нам необходимо было принять, что когда Оскар рассуждает описанным образом, его априорное основание предпосылок аргумента передается через априорное следование к заключению. В последнее время некоторые философы увлеклись вопросом о правильности этого принципа. Не существует ли случаев, спрашивали они, когда хотя А известно *a priori*, и также *a priori* известно, что А влечет В, тем не менее В не известно *a priori*. Смотри, например, интересную работу Davies M. Externalism, Architecturalism and Epistemic Warrant // *Knowing Our Own Minds* (ed. MacDonald, Smith and Wright). – Oxford: Oxford University Press, 1997. Должен сказать, я был бы удивлен, если бы оказалось, что есть подобные случаи, выдержавшие внимательную проверку. Однако, защита этого положения во всех аспектах есть нечто заслуживающее специального рассмотрения, и она будет оставлена до другого случая. Здесь я возьмусь за анализ лишь одного такого случая, который был предложен мне Стивеном Шиффером. Обдумайте следующее умозаключение:

1. Если у меня зубная боль, то зубы существуют.
2. У меня зубная боль.

Следовательно,

3. Зубы существуют.

Я определил «априорное знание» как «знание, приобретенное без эмпирического исследования». Разве относительно этой общепризнанно смутной и неформальной характеристики предпосылки этого аргумента не обнаруживаются *a priori*? Разве я не могу без эмпирического исследования знать, что у меня зубная боль? И также того, что если у меня зубная боль, то у меня есть зубы? Тем не менее, заключение этого аргумента, очевидно, не является априорным. Поэтому что-то должно быть не так с принципом переноса основания, который мы приняли.

Мой возможно предсказуемый ответ таков: вовсе не очевидно, что предпосылки аргумента о зубной боли априорны, соответственно обозначенному понятию «*a priori*». То, что нам больно, и даже то, что нам больно определенным феноменологически классифицируемым образом (больно зубной болью), – эти вопросы представляются несомненно априорными. Но, как мне кажется, нет какой-либо интуитивной причины, чтобы верить в возможность априорного знания того, что у нас зубная боль, если предполагается, что это значит, что мы имеем боль *в зубе*, как это очевидно происходит в рассматриваемом возражении. Представьте беззубого человека, настаивающего, что у него зубная боль; должны ли мы полагаться на его предполагаемый априорный доступ к этому факту?